Г. А. Щетинин

Библейские основания взглядов на веру и разум в творчестве Льва Шестова

Щетинин Григорий Алексеевич — аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: *kobra*5008*@mail.ru*).

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды российского философа и писателя Льва Шестова, отражающие его позиции в споре о соотношении веры и разума.

Ключевые слова: вера, иудаизм, разум, религия.

Одним из важнейших вопросов, являвшихся центром размышлений Льва Шестова (Лев Исаакович Шварцман, 1866 – 1938) на протяжении всей его жизни, был извечный философский спор о соотношении веры и разума. В своём творчестве он полемизировал с теми, кому «кажется, что вера есть то же знание, только что доказательства берутся в кредит, под словесное обещание, что они в своё время будут представлены. И никого не убедишь, что сущность веры и её величайшая, чудеснейшая прерогатива в том, что она в доказательствах не нуждается, что она живёт "по ту сторону" доказательств»[1].

Видя принципиальное различие между умозрительным знанием и тем, что даётся в откровении, Шестов не принимает истин, выводимых из рационального знания. Он не соглашается примирить Иерусалим (истина, данная в откровении) и Афины (истина, рождённая разумом). Откровение разрушает любые рамки рациональных истин. Ещё Тертуллиан писал, и Шестов полностью солидарен с ним, что откровение не может быть оправдано с помощью тех приёмов, которыми пользуется греческая философия, ибо то, что для Иерусалима — мудрость, истина, для Афин — безумие и ложь. Приписываемая Тертуллиану известная фраза «Верую, потому что абсурдно» вполне могла быть сказана и Шестовым.

Греческую философию интересовали, прежде всего, общие вещи, закономерности, правила, логика и порядок. Вера с её чувствами, эмоциональностью, ориентацией на личное, а не общее, на чудеса, а не повторяемые законы природы, конечно же, не могла быть признана греческой философией достойной внимания с точки зрения постижения мира. Богом греческой философии

---

[1] *Шестов Л. И.* Афины и Иерусалим. — М., 2002. — С.167.

было знание, разум, и он преподносился как единственно верный инструмент познания. Шестов с самого начала отверг традицию рационалистического «умозрения», и совсем разные, подчас боровшиеся между собой философы — Парменид и Декарт, Сократ и Спиноза, Аристотель и Гегель, Сенека и Гуссерль, — исповедавшие рационализм, стали его противниками.

Делались многочисленные попытки соединить подходы греческой философии с религиозной традицией, создать своеобразный синтез, не противопоставлять разум вере. Одним из приверженцев подобной точки зрения был бл. Августин, утверждавший непротиворечивость пути веры и рационального знания. Эти же попытки будет повторять христианская средневековая философия, а затем ещё многие философы и писатели. В период реформации активно противостоял подобному синтезу Лютер, и Шестов много пишет о его позиции, чаще всего соглашаясь с ней. Центральной фразой в этом споре стало высказывание апостола Павла о спасении верою, которое Лютер усиливает, добавляя слово «только» и переведя эти слова как «человек оправдывается только верою», что сразу сделало невозможным примирение эллинизма и иудаизма.

В «Афинах и Иерусалиме» Шестов говорит о связи знания с отрицанием свободы, с ужасами бытия, с безуспешностью сроднить эллинскую и библейскую истины, с пониманием философии как «оглядки», а не как борьбы. Однако этот рационализированный мир Шестов не отрицает (он нужен для обычного существования), но все время жаждет большего. Призывает не останавливаться на понятом, известном, изученном, двигаться за пределы рационального знания в области неведомые и чудесные.

Шестов критикует рационалистическую философию, прежде всего за то, что она совершенно не способна понять непредсказуемую и противоречивую действительность, пытается втиснуть её в рамки созданных ею самой схем и структур, связать живую жизнь мёртвыми выводами абстрактной логики. Реальная жизнь, по Шестову, именно тем и прекрасна, что полна противоречий, изменчива и непредсказуема. «Границы нашего познания, — пишет он, — именно там кончаются, где начинаются непримиримые противоречия»[1], и в другом месте продолжает: «Какой философ не жертвовал действительностью ради системы?.. Более того, философ, с раз сложившейся теорией, перестаёт видеть и чувствовать все то, что не вмещается в устанавливаемые ею рамки»[2]. Он также не может не видеть противоречивость в самих философских системах, проповедующих стройность и логичность, но внутри себя не способных соединить свои элементы в цельную и завершённую систему. Любая из систем полна противоречий, неувязок, натяжек, и философ спра-

---

[1] *Шестов Л. И.* Достоевский и Ницше. — М., 2007. — С. 27.

[2] *Шестов Л. И.* Шекспир и его критик Брандес. — М., 2008. — С. 144.

ведливо замечает, что «метафизики не только не умеют ничего объяснить, но до сих пор не придумали ни одной свободной от противоречия гипотезы»[1].

Философия рационализма не столько пытается отыскать истину, дать подлинное знание о мире вокруг, сколько «обслуживает» нужды людей, даёт им уверенность и покой, ощущение предсказуемости и прочности мира, основания, на которые можно опереться. Он находит то, что роднит обывателя и философа-рационалиста, и развенчивает известное презрительное отношение философа к неразумной толпе. «Но, видно, — говорит Шестов, — обыватель не так далёк от философа: где-то, в каких-то началах или концах, на каких-то глубинах или поверхностях обыватель с философом встречаются»[2]. Шестов убеждён, что в основе философских теорий лежит коллективное внушение, так необходимое людям для спокойной и безопасной жизни, но не имеющее ничего общего с истиной. «Коллективное внушение, — по мнению Шестова, — конечно прочнее, чем самовнушение, но его прочность имеет своим источником отнюдь не истину»[3].

Естественно, что Шестов не собирается совсем отказываться от логики, от рациональных способов познания мира. Отвергать логику как одно из средств или один из способов приобретения познания было бы, считает он, нерасчётливо. «Но логика как самоцель или даже как единственный способ познания — это дело иное: тут нужно бороться, хотя бы имел против себя все авторитеты мысли, — начиная с Аристотеля»[4], — заключает Л. Шестов.

Стремление все понять, все объяснить страшно обедняет жизнь, не оставляет пространства для тайны, для чуда, для невозможного, создаёт границы, за которые мы уже не способны заглянуть. Именно против такого способа существования в мире активно выступает Шестов, не соглашаясь на подобное «понимание»: «Стремление понять людей, жизнь и мир мешает нам узнать все это… Мы считаем, что поняли какое-нибудь новое явление, когда включили его в связь прочих, прежде известных. И так как все наши умственные стремления сводятся к тому, чтобы понять мир, то мы отказываемся познавать многое, что не укладывается на плоскости современного мировоззрения. А, казалось бы, наоборот, что в интересах знания нужно бы жертвовать пониманием, ибо понимание все-таки второстепенная вещь»[5]. Шестов особенно подчеркивает, что понимание — это насильственное втискивание нового, неизвестного в рамки уже знакомого, изученного, привычного. «Понять — это значит свести

---

[1] *Шестов Л. И.* Апофеоз беспочвенности. — М. , 2000. — С. 211.

[2] *Шестов Л. И.* Афины и Иерусалим… — С. 627.

[3] *Шестов Л. И.* На весах Иова // Шестов Л. Собр. соч. — М. , 1993. — Т. 2. — С. 37.

[4] *Шестов Л. И.* Апофеоз беспочвенности… — С. 99.

[5] Там же. — С. 124.

неизвестное к известному… разве нужно ограничивать наше познание мира тем, что мы уже испытали и узнали раньше?»[1]

Для Шестова главная сущность знания, с которой он категорически не согласен, — в ограниченности. Принимая что-то за истину, мы отбрасываем все остальные варианты, резко сужаем свой кругозор, делаем выбранное нами неизбежным и закрываем возможности для чудес и для всемогущества Божия. В работе «Афины и Иерусалим», наиболее полно раскрывающей эту идею, Шестов напишет: «Откроются ваши глаза, и будете, как боги, знающие добро и зло: так сказал змей. Умрёте: так сказал Бог. Если Бог сказал правду, то от знания идёт смерть, если змей сказал правду — знание равняет человека с богами. Так стал вопрос перед первым человеком, так вопрос стоит и сейчас перед нами. И если мы спросим у нашего разума, на чьей стороне была правда, и если мы вперёд согласимся, что наш разум есть последняя инстанция, в которой разрешается спор между змеем и Богом, то двух мнений быть не может: делу змея обеспечено полное торжество»[2]. Такая трактовка библейского текста заставляет читателя сделать выбор не в пользу греческой философии и принять невозможность соединения веры и разума, о чем и старается Шестов.

В книге, посвящённой творчеству Кьеркегора, Шестов подчеркивает, что главное для изучаемого им философа — определить, является ли истина достоянием всех и «трусости», или она открыта лишь тем, кто дерзнул отказаться от привычного, общепринятого, кто ищет её на грани безумия и смерти. Это, по мнению Шестова, и отличает экзистенциальный подход к философии от чисто рационального и умозрительного, это как бы придаёт философии новое измерение, переводя её из плоскости в трёхмерное пространство, где она обретает воздух и жизнь, и соединяется с верой.

Греческая, а за ней и вся европейская философия ставили своей целью понять и осмыслить законы, по которым существуют мир и человек, видя в них окончательную истину. Эта позиция предполагает главенство разума, способного если не решить, то хоть приблизиться к решению такой задачи. Плодом действия разума стало рождение науки, призванной ответить на главные вопросы бытия, создать реальную картину мира, открыть подлинную истину.

Научный подход кладёт в основу познания факт, но Шестов считает, что факт не является критерием истины, получаемое на основе факта знание ограничено, и механическое соединения разрозненных фактов не даёт представления о картине мира в целом. Для понимания корней, истоков происходящего Шестов обращается не к науке, являющейся, по его мнению, собранием голых фактов, а к Священному Писанию.

---

[1] *Шестов Л. И.* Апофеоз беспочвенности… — С. 126.

[2] *Шестов Л. И.* Афины и Иерусалим… — С. 522.

Шестов стремился вернуть библейским текстам буквальное толкование, редко встречавшееся в его время даже в иудейской библеистике, утверждая, что метафорические, аллегорические и символические трактовки написанного лишь затуманивают смысл прямого послания. Он был противником объективирования текста Священного Писания, настаивая на том, что чем более лично, субъективно, исходя из собственного духовного и жизненного опыта человек воспринимает текст, тем он оказывается ближе именно к духу Писания, живому и не сводимому к схемам и концепциям. Библия, прочитанная сердцем, а не умом, оказывается близкой и понятной человеку, питает и наполняет его жизнь. Вера, как её понимает Шестов, очень реальна, конкретна, ведь слова молитвы могут влиять на «решение» Бога, диалог с человеком может изменить Его намерение, и это свидетельствует о творческой силе человека — творить реальность, опираясь только на веру, ведь никакое знание в такой ситуации не поможет.

Понимание именно творчества как свидетельства свободы человека — одна из любимых мыслей Шестова. Путь творчества для него есть альтернатива пути познания, это видно даже в самом построении его книг, в его необыкновенно образном, почти поэтическом языке, в частом выборе своими собеседниками писателей — Шекспира, Пушкина, Достоевского, Чехова… Знание делает человека рабом, творчество возвращает его в состояние свободы, к которому он был призван при сотворении. Он убеждён, что достичь обетованной земли можно только тогда, когда сам не знаешь, куда идёшь: «Несомненно, в обетованную землю может прийти только тот, кто, как Авраам, решился идти, сам не зная, куда он идёт»[1]. Это движение в неизвестность и есть высшая мудрость, высшая вера, доверие, полностью лишённое корысти и расчёта. Это то, о чем так мечтал философ.

Список литературы

1. *Шестов Л. И.* Афины и Иерусалим. М. , 2002.
2. *Шестов Л. И.* Достоевский и Ницше. М. , 2007.
3. *Баранова-Шестова Н. Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. В 2-х томах. Париж, 1983.
4. *Сопровский А.* Вера, борьба и соблазн Л. Шестова. Вестник РСХД. Париж, 1982. № 136.

© Щетинин Г. А. , 2012

[1] *Шестов Л. И.* Афины и Иерусалим… — С.165.